

К. Бунцев

Пёс-попаданец
или
Последний
из
меделян

Константин Бунцев

Пёс-попаданец, или

Последний из медеянок

<https://litres.ru/74536269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Убитый в результате Ленского расстрела рабочий Андреевского золотого прииска Иван Николишин возрождается в теле одного из последних псов медеянской породы и в образе пса спасает Ленина от выстрела Каплан.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Константин Бунцев Пёс-попаданец, или Последний из медеянок

Глава

С чего всё началось? А вот точно и не скажу. Начну со своего первого жизнеописания. Только коротко.

Родился я в Сибири, на реке Лене, в маленьком рабочем поселке при прииске Андреевском. Там же вырос и примерно с пятнадцати лет стал, как и отец, работать там на промывке золотоносного песка. Получали мы, рабочие, мало, сущие копейки, но всегда имелась возможность припрятать немного найденного золота, а потом продать его частным скупщикам. Из-за этого мы не особенно-то и бедствовали.

Так бы и продолжалась наша жизнь и ничего не случилось бы из того, что произошло потом, если бы в один прекрасный день наше беспутное и донельзя жадное, как оказалось, иностранное(прииск продали незадолго до этого одной иностранной концессии)начальство не запретило нам торговать этим самым золотом. И что прикажете с ЭТИМ делать?

Стачковать? Мы и застачковали...

И всё бы ничего, если бы начальство, испугавшись разрастания стачки, не вызвало из ближайшего к нашему прииску Тобольска роту солдат для охраны прииска, Командовал этой ротой один ротмистр-уроженец здешних мест, люто, до зубовного скрежета, ненавидевший нас, рабочих. Ну и получилось, что, когда мы несли наши требования улучшения жизни администрации, нам путь преградила эта самая рота. А дальше произошёл расстрел, который позже назовут Ленским, то есть случившимся на реке Лене.

Одна из пуль попала в меня и я умер... Умирая, успел прошептать: «Господи, дай шанс всё исправить! Хоть малейший». А в ответ послышалось: «Даю! Действуй!»

* * *

Очнулся я с какими-то новыми, непонятными ощущениями. Вроде тело стало короче, да и незнакомое какое-то. Хотел открыть глаза, чтобы посмотреть, что со мной, но они оказались чем-то залеплены. «Ослеп я, что ли?» - подумал я и попытался рукой протереть их. Но не смог поднять руку.

- Господи, да что же это такое?! – крикнул я и услышал.

- Вав, вав, вав!..

Голос был похож на голос... только что родившегося щенка. Такой же тихий и слабый. И собачий. Тотчас же что-то мокрое и шершавое коснулась меня, провело по всему телу и остановилось внизу живота, заставив перевернуться на спину. Пройдясь несколько раз по моему писюну, это нечто вернулось к голове и прошлось – тоже несколько раз – по области глаз. И тут я понял всё, Я – собака, вернее, щенок и лежу сейчас возле своей матери, тоже собаки, которая меня и родила. Пока слепой и немощный. Но как, почему?... И что теперь делать?

Я снова завякал и взрослая собака опять принялась меня вылизывать, недоумевая, почему я беспокоюсь. Надо бы поосторожнее с этим, а то ещё залижет до смерти. Суки, они ведь такие... Лизухи, в общем.

И тут на меня навалился голод. Не сказать, что очень сильный, но и хорошего в этом тоже было мало. Я, растолкав своих братьев и сестёр, пробрался к соску и взял его в рот, то есть не в рот, а в пасть, застолбив тем самым свой сосок. В горло хлынуло невкусное собачье молозиво.

Насосавшись таким образом, я выплюнул сосок и, довольный, задремал.

Не знаю, видят ли щенки вообще собаки сны, но мне приснилось, что я теперь – мордаш, пёс меделянской породы. Была, оказывается, такая царская порода собак-медведавов, ныне уже почти сошедшая на нет. Я, моя мать, братья, сестры и предполагаемый отец(куда же без него?!), были, выходит, последними из этой славной породы, И, к сожалению, уже не очень чистокровными.

Но что же делать с этой временной, но всё же слепотой? Да ничего. Тут, как говорится, природа сама должна взять своё, не надо её насиловать. Через неделю, ну, максимум через десять дней глаза должны открыться сами. Когда мышцы век немного окрепнут. Забегая вперёд, скажу, что первый в своей новой жизни свет я увидел даже раньше, чем это обычно бывает у собак, приблизительно через пять дней после рождения. И здесь я безмерно благодарен своей матери-суке, чуть ли не ежедневно вылизывающей мне глаза. Она как будто чувствовала, что я – необычный щенок, что у меня есть нечто, отличное от других щенков. Может быть, она даже чувствовала, что я – человек. В собачьей шкуре. Хотя... не знаю, как это может быть.

А знатно меня занесло! Ума не приложу теперь, как отсю-

да, то есть из собачьей шкуры, выбраться. И можно ли вообще? Как выбираются из своей собственной кожи?

По здоровом размышлении(уж что-что, а эта способность у меня никуда не делась, хотя, надо признаться, сильно уменьшилась)я решил, что в ближайшее время надо расти, набираться сил для дальнейшей жизни. А там как-нибудь, может быть, с помощью прерывистого лая или рыка, постараюсь донести людям, что я не простая собака, а человек, и что мой внешний вид – обманка. Ещё, кажется, можно использовать пальцы лап, но, пошевелив ими, я понял, что они годятся только если я буду указывать на что-то. И то придётся использовать всю лапу, а не отдельный палец, Ладно, потом что-нибудь придумаю. Я ведь ещё только в самом начале жизни. Собачьей жизни.

Да, а где же я нахожусь? По запахам – а я теперь чувствую их даже лучше, чем вижу – это вроде бы псарня, вон как пахнут собаками. Оно и естественно, где же еще может родиться собака? Породистая, я имею в виду. А то, что я – породистый медеянин, я узнал уже потом, когда услышал от приехавших на псарню хозяев название породы.

Приехавшие только что двое хозяев псарни были знатными дворянами, владели псарней от имени царя-батюшки Николая II и назывались один – графом Шереметовым, другой

– князем Обуховым. Ну а третьим приехавшим был не кто иной, как сам царь, из чего можно было сделать вывод, что псарня находится вблизи Санкт-Петербурга. Ведь не поедет же царь ухаживать за своими собаками куда-нибудь в Сибирь. Этот триумвират ходил от вольера к вольеру и разглядывал нас, попутно давая суетившимся вокруг слугам и ухаживающим за нами людям какие-нибудь указания. Не всегда, впрочем, ценные, судя по брошенным украдкой косым взглядам, которые иногда бросали вслед приехавшим служащие псарни.

- Эта... МАзда, что ли, когда ошенилась? – спросил одного из служащих князь Обухов, когда вельможная компания подошла к нашему вольеру.

- Позавчера, кажется... Да, позавчера, - подобострастно сгибаясь в поклоне, ответил один из служащих, тощий, как жердь, мужичонка по имени Пётр.

- Ну-ну, - кивнув головой, проговорил князь Обухов, - Так... Один, два, три, четыре, пять. Пять щенков.

Ещё раз оглядев нас, князь Обухов двинулся к следующему вольеру. Вслед за ним, так же оглядев нас, двинулись царь и граф Шереметов в сопровождении своих слуг.

Мазда? Почему родившую меня собаку так называли? Надо спросить, благо теперь я сам собака и могу разговаривать с собаками на их языке.

Я подполз к самой морде лежащей на боку Мазды и спросил:

- Мама, а почему тебя называли Мазда?

- Не знаю, сынок, - вздохнув, как могут вздыхать только собаки, ответила она. - Люди чего только не напридумывают. Ага, чувствую, ещё кто-то описался. Ну-ка...

Мать приподнялась, и я каким-то непонятным образом почувствовал, что она потянулась мордой к крайнему кобельку. Тот сразу перевернулся на спину и подставил под язык свое хозяйство, довольно заурчав при этом. Ещё одна подобная процедура – на этот раз мать вылизывала у одной из двух сучек – и снова язык вернулся ко мне, пройдясь несколько раз по глазам.

Было ли мне противно от того, что сначала вылизывалось хозяйство одного щенка, неважно, кобелька или сучки, а потом – мне глаза? Скажу прямо: нет. Я ведь, когда стал собакой, потерял все присущие человеку чувства, в том числе и брезгливость. И приобрёл новые, собачьи. Цвета тоже

немного по-другому стал видеть: полностью исчез красный цвет, вместо него появился серый. Начиная с жёлтого, зелёный, голубой, синий, совсем немного – фиолетовый. Также совсем немного – оранжевый. А вот чего я долго не знал, это то, что собаки видят призраков. Но и это случилось, когда рядом с нами, в другой комнате, помёр один очень старый кобель. Боже мой, как я тогда испугался!..

Живу вместе с матерью, братьями и сёстрами в отдельной комнате. С запахами чего-то острого, мне незнакомого. Спросил у матери, оказалось, специальные родообезболивающие лекарства, всем рожающим сукам их колют. Мать объяснила также, что когда сука рожает, бывает очень больно, и люди придумали специальные... ну, скажем, специальную воду, от которой роды получаются небОльные. Они и себе так делают, другой, правда, более подходящей для них водой. Которую люди называют раствором. Колют её специальными маленькими трубками с иглой на конце, называемыми шприцами.

Кормили Мазду как на убой(она даже частенько отказывалась от съестного), а мы, все пятеро, кормились её молоком и быстро росли. Я, кажется, говорил про молозиво, так оно кончилось на третий или четвёртый день после нашего рождения, а дальше пошло уже молоко. И оно показалось мне гораздо вкуснее молозива. Такое, знаете ли, сладенькое,

с небольшой кислинкой и не такое густое, как молозиво. Еще всем - и Мазде, и нам - давали творог, но это было уже когда мы чуть-чуть подросли, примерно с полутора недель отроду. И никакого мяса нам, щенкам, пока ещё не давали, только матери.

Я уже, кажется, говорил, что живём мы в комнате. Эта комната находилась в длинном, похожем на дома для слуг, доме. Сам этот дом стоял на вершине невысокого холма, с которого открывался красивый вид на окраины Санкт-Петербурга. Правда, что это Санкт-Петербург, я узнал много позже, когда уже стал взрослым годовалым псом. А пока я бесился, играя в кусалки-догонялки со своими братьями и сёстрами. И много ел, сначала материнское молоко, а потом, когда чуть подрос – мясо, сначала телятину, потом, примерно через три месяца – медвежатину. Всё – в сыром виде.

* * *

Я был уже взрослым, пятилетним псом, полным сил и здоровья, когда в наш приют для собак-меделян снова, в седьмой раз от начала моей собачьей жизни, приехали люди. Но это были уже не те самые граф Шереметов и князь Обухов, хотя за пять лет, прошедших после моего рождения в теле

собаки, приезжали разные люди, нет, это были совершенно другие люди. В чёрных кожаных тужурках, солдатских шинелях и рабочих куртках, они – пять человек - вместе с обслуживающими нас в это время людьми, которых, кстати, тоже было пять человек, гурьбой ввалились к нам и принялись нас рассматривать, не приближаясь, впрочем, вплотную к решёткам. Затем один из них, статный парень двадцати с лишним лет на вид, в кожаной тужурке с маленьким серым(напомню: мы, собаки, не видим красный цвет, вместо него – серый)бантом на груди, ни к кому, вроде, не обращаясь, проговорил.

- Странные какие-то собачки у вас тут. Никогда таких не видел.

- А про меделян слышал? – спросил его другой приехавший, лет тридцати пяти на вид, тоже в тужурке, но без банта.

- Не, не слышал.

- Темнота! Ну спроси у Митьки-студента. Он тебе скажет.

- Да, это они, меделяны, - сказал ещё один приехавший, высокий юноша в рабочей куртке, тот, которого называли Митькой. – Царская, между прочим, порода. Предназначена для охоты на медведей.

- Скажи, Мить, а почему они не брешут? – спросил Митю-студента ещё один приехавший, тоже в кожаной тужурке. – Обычно ведь собаки брешут на чужаков. А эти...

- Да, это действительно странно, - задумчиво проговорил Митя. – Но... может быть, не хотят

Сейчас или никогда?... Я поднялся на задние лапы, опёрся передними на решётку-дверь и сделал правой передней хорошо знакомый нам, людям, подзывающий жест. Наблюдавший за мной в это время парень в рабочей куртке вскрикнул и теперь уже во все глаза уставился на меня.

- Ты чего? – спросил его один из «кожаных».

- Мне показалось... – парень, очевидно, был в шоке от увиденного. – Показалось, что эта собака только что л а п о й(он голосом выделил это слово)позвала меня.

- Глупости...

«Нет, дорогой, тебе не показалось! И это вовсе не глупости!» - подумал я и уже при «кожаном» повторил этот жест.

Теперь вскрикнули уже оба одновременно, чем привлек-

ли внимание остальных присутствующих. Все сгрудились у моей комнаты-клетки и начали расспрашивать этих двоих, что тут, собственно, произошло. Стало шумно, и тогда я показал на свои уши, а затем прижал конец лапы впереди между носом и нижней челюстью, показывая этим самым, что нужно соблюдать тишину. Ну или хотя бы шуметь потише.

Что тут началось! Громовое «Ах!» пронеслось над собравшейся вокруг решётчатой двери в мою комнату толпой, затем все разом громко заговорили, заставив меня забиться в дальний угол от этой адской какофонии, лечь там на пол и плотно закрыть лапами уши. И всё равно звуки продолжали проникать даже сквозь крепко прижатые к ушам лапы. Тут один из присутствующих, другой «кожаный»(всего «кожаных» было три), крикнул громким голосом, перекрывая шум:

- Тише, товарищи! Тише! Посмотрите на собаку! Ведь вы же его оглушили!

Тут только остальные заметили, что я лежу в углу, зажав уши и страдальчески глядя на них. Голоса стали смолкать и вскоре смолкли совсем. Но люди, возбуждённые увиденным, не могли сразу остановиться и то тут, то там еще слышались громкие голоса. Наконец голоса смолкли совсем и один из «кожаных», тот, который остановил эту вакханалию криков

и шума, обратился ко мне.

- Эй, пёс. – ласковым голосом сказал он. – Открывай свои уши и... в общем, слушай. Давай сделаем так. Если я спрошу: «Ты собака?», кивни головой. Если я спрошу: «Ты человек?», помотай головой, мол, нет, я не человек. Понял?

Я кивнул головой, да, мол, понял, чем вызвал второй взрыв криков удивления. Но на этот раз «кожаный» был на чеку и, подняв руку, быстро восстановил тишину. Затем снова обратился ко мне.

- Ты собака? – спросил он далее.

Я кивнул головой, Да.

- Ты человек? – последовал очередной вопрос.

Я снова кивнул головой. Да.

- Но ведь такого же не бывает! – переглянувшись с двумя остальными, воскликнул третий «кожаный».

Я только шумно вздохнул. Бывает или не бывает – об этом должны спорить уже философы. А я вообще не знаю ни одной буквы, нас, рабочих-золотодобытчиков, этому не учили.

Нас учили распознавать золото среди остального песка, да и то только родители на своем собственном примере. А грамота нам только снилась. Много ли среди нас было грамотеев? Да, как говорится, раз-два, и – обчёлся. Фамилию свою написать в табели о получках – и то вместо букв ставили крестики. Поэтому я помотал головой, когда меня спросили, знаю ли я буквы: нет, мол, не знаю.

- Вот это плохо, - грустно причмокнув губами, сказал один из «кожаных» - Это до предела ограничивает наше с тобой общение. Ну а крестик поставить, наверное, каждая собака сумеет. Если она достаточно умная, Верно я говорю, а, пёс?

Я кивнул головой: да, мол, верно. Затем подошёл к решетке-двери и, просительно глядя попеременно то на людей, то на замок, поднялся на задние лапы и, опёршись на решётку передними, ткнулся носом в замок.

- Да, поскольку ты – человек и, надеюсь, не сделал ничего противозаконного, ты не должен сидеть здесь как собака, - поняв, что я хочу сделать, произнёс «кожаный». – Откройте ему, - приказал он одному из наших работников и отошёл немного в сторону, наблюдая, как мне открывают решётку и как я выхожу из комнаты.

Я с достоинством вышел из комнаты-клетки и, подойдя к

открывшему мне дверь «кожаному», поклонился ему, припав на передние лапы и положив между ними на мгновение голову. Тот ещё больше удивился и, тихо, почти неслышно, пробормотав «В жизни своей не видел ничего подобного!», кивнул мне головой. Я повернулся и потрусил к выходу, но, вспомнив, что должен попрощаться с матерью, братьями и сёстрами, завернул к ним. Со времени моего переселения в отдельную клетку-комнату прошёл уже месяц и, когда я подошел к решётчатой двери, оказалось, что там теперь живут только мать и две сестры – запаха двоих братьев я уже не почувствовал.

Легонько ткнув носом в бедро находившегося около двери служащего(он присутствовал при моём «представлении» и знал теперь, что я - непростой пёс), я взглядом показал на дверь и, привстав на задние лапы, опёрся передними на решётку. Поскребя затем одной из лап замок, я снова взглянул на служащего.

- Хочешь войти? – догадавшись, чего я хочу, спросил служащий.

- Г-гав, - гавкнул я и кивнул головой.

- Пришёл, значит, поведать родных, - служащий открыл дверь и отступил на шаг в сторону. – Ну, заходи.

А меня там, в комнате, оказывается, уже ждали. Едва я переступил задними лапами порог и сделал еще два шага всеми четырьмя лапами, как почувствовал сильнейший толчок в бок – это меня атаковала одна из сестер, приняв, очевидно, за чужака. Здесь я должен сказать, что мы, собаки, помним, что произошло от силы неделю назад. А я отсутствовал месяц. Само собой разумеется, что мои родные сёстры забыли меня. Но я, похоже, был исключением из этого правила, так как прекрасно помнил все те немногие события, которые произошли в моей короткой пока жизни. И родных мне сестёр-собак, разумеется, помнил. Помнил я и свою мать. Тут последовал ещё один мощный толчок, на этот раз я получил его от второй сестры.

- Перестаньте толкать его, - раздалось вдруг откуда-то слева, и я узнал голос матери, которую до этого не заметил. – Это свой. Вы что же, не узнали его? Идите в свой угол, а ты, сын, прости этих неразумных девчонок. И подойди ко мне.

- Мам, а это действительно твой сын? – ехидно спросила одна из сестёр, та, которая вторая толкнула меня.

- А ты ещё сомневаешься? – мать легко, но степенно поднялась на лапы (до этого она лежала, не замеченная мной, в своём углу) и подошла к нам. – Ну, понюхай у него под-

хвостник. Может, тогда и узнаешь своего брата. А ты подними хвост, - обратилась она уже ко мне.

Подхвостником мы, собаки, называем наши запаховые железы-идентификаторы, расположенные по обеим сторонам ануса. Я поднял хвост и предоставил сестре всю имеющуюся «информацию».

Было ли мне стыдно оттого, что сестра нюхала мой анус? Скажу правду: нет. Я уже, кажется, говорил, что, когда стал собакой, потерял многие присущие человеку чувства. Так вот, среди этих потерянных человеческих чувств было чувство... как бы это сказать поточнее... полового стыда, что ли? Ну, то чувство, когда стыдно показывать прилюдно свой анус, писюн... . В общем, свою наготу.

И точно такая же ситуация у меня была в отношении других собак. Я, вернее, моя собачья половина, нисколько не стеснялся, например, понюхать писюн другого кобеля или полизать вагинку суки. Или дать понюхать свои. Ну а что касается моей человеческой половины, то я смотрел на всё это нюханье-лизанье как бы отстраненно, издалека. Как это получалось, я, сколько жил, так никогда и не смог понять.

Ну, ладно, пёс с ними, со всеми этими чувствами и нюханьем-лизаньем. Пора рассказать о том, что я делал после

того как вышел вместе со всеми приехавшими и здешними за двери псарни. Один из «кожаных», тот, который пытался говорить со мной, предложил, чтобы я пожил у него, как он сказал, в домашних любимцах. Конечно, я не мог считать-ся домашним любимцем, поскольку был всё-таки человеком, но и жить на улице в качестве пса-бездомыша я тоже не должен. Я подумал-подумал(хотя думать собачьими мозгами ох как тяжело!)и, поскольку меня уже торопили – надо было уезжать – кивнул головой тому самому «кожаному»(его звали, как я узнал позже, Михаилом).

Когда мы вышли за двери псарни, к нам подъехал автомобиль – кстати, один из первых увиденных мной не только в образе пса, но и человека. Человеческое «я» отнеслось к этой технике с удивлением, но спокойно. А вот пёс, вернее, собачье начало, отнёсся к автомобилю... ну, скажем, с сильным испугом. Оно даже захотело полаять – как я понял, от этого самого испуга. Но я не дал ему воли и успокоил, хотя это, скажу откровенно, стоило мне немалых усилий и пришлось постоять неподвижно некоторое время, пока собачья половина не успокоилась.

Второй раз моё собачье начало испугалось, когда я уже сидел на заднем сиденье рядом с Михаилом. Заводясь, автомобиль страшно(для собаки)загудел, затрясся и моему человеческому «я» пришлось снова успокаивать собаку. Тут мне

на помощь пришёл Михаил. Обняв собаку с ласковым «Ну, не надо, спокойно, спокойно...», он не дал ей выпрыгнуть из начавшего уже движение автомобиля. В дальнейшем, по мере движения, пёс успокоился и уже с интересом поглядывал по сторонам. Я ему не мешал и сам с неменьшим интересом смотрел его глазами на то, что происходило вокруг.

А смотреть и в самом деле было на что. На самом въезде в Санкт-Петербург, который, кстати, теперь назывался Петроградом(об этом я узнал, слушая разговор Михаила с другим «кожаным», по имени Алёша), нас встретил патруль из пяти матросов, на бескозырках которых были золотые буквы. Что означало слово, составленное из этих букв, я, будучи неграмотным, так никогда и не узнал бы, если бы не услышал разговор двух матросов. То были матросы со ставшего уже если не знаменитым, то хорошо узнаваемым, крейсера «Аврора», того самого, который в октябре(на дворе сейчас шёл уже апрель 18-го), как я уже не раз слышал от окружающих, дал выстрел-сигнал к штурму Зимнего дворца, бывшего тогда резиденцией Временного правительства во главе с Керенским. Такие патрули на всем протяжении нашего пути встречались нечасто, но четыре или пять таких «пятерок» мы всё-таки проехали. Некоторые из этих патрулей останавливали нас, люди подходили ближе и, с интересом поглядывая на меня, проверяли у проезжавших мандаты. Когда мы проезжали очередной патруль, состоявший из одних солдат,

Один из них, заглянув в автомобиль и увидев меня, лежащего на заднем сиденье, удивлённо хмыкнул. Затем, глядя на меня, спросил у Михаила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.